

ДНЕВНИК ИСКУССТВ

Если оценивать популярность артиста эстрады по самому простому критерию — аудитории слушателей, то Алла Пугачева давно уже установила своеобразный рекорд. Количество выпущенных пластинок с ее записями перевалило за сто миллионов. Причины неизменного успеха ее эстрадного творчества много. Но прежде всего — это синтез музыкальной одаренности и большой работоспособности.

Перед отъездом на гастроли в Финляндию певица дала интервью корреспонденту «Труда».

— Алла Борисовна, география ваших гастрольных поездок последнего времени весьма обширна. Расскажите, пожалуйста, о репертуаре, с которым вы выступаете.

— Этот год для меня не самый легкий. И вовсе не напряженным рабочим графиком — к такому ритму уже привыкла. Даже не хотела бы, чтобы было иначе. Я говорю о другом. Сейчас у меня проходит период, как говорят, обновления. Это не просто смена репертуара. Я чувствую необходимость коренных изменений, перехода в новое качество. В одни годы волнует одно, становишься старше — приходит другое. Был период «Сонетов Шекспира», потом — «Женщина, которая поет», до этого «Арлекино», «Все могут короли». Очертания этого нового я уже, кажется, нащупала. Такие песни, как «Тревожный путь», «Люди, люди...», «Жди и помни меня», «Соломинка», «Маэстро» и другие, — песни совсем новые, и они определяют мой сегодняшний день.

— Нередко, говоря о ваших выступлениях, проводят параллели с театральным искусством. Прижился даже термин «театр Пугачевой». В какой степени это правомерно?

— Термин этот, если не ошибаюсь, родился тогда, когда к каждой песне у меня была и небольшая роль, будь то до боли печальный Арлекино или смешной и милый «волшебник-недоучка», драматическая исповедь «Не отрекаются любя» или простонародный причет «Ой, дитя мое, дитятко». Сегодня я пою преимущественно песни-монологи, и если, говоря о «театре», имеют в виду драматургию, то я могу с этим согласиться.

Я поняла: чтобы поверили, надо быть предельно искренней, дать почувствовать, что ты говоришь с людьми в зале на самой последней черте откровения, как бы нелегко это ни было. И здесь все важно и слито воедино — и музыка, и слова, и жесты. Я выбрала свою главную тему: то, что меня тревожит, то, что, мне думается, волнует всех, это — взаимоотношения между людьми с их добром и злом, любовью и ненавистью, грезами и несбывшимся.

Меня порой беспокоит время. То время, которое летит от нас днями и годами нашей жизни. Мне хочется остановить его, спросить себя: все ли правильно, не растратываю ли я его напрасно, все ли делаю так, как надо? Не разучились ли мы быть нужными, тонкими и чувственными, успокаивая себя тем, что это не модно? Не разучились ли любить, думая не только о себе? Ушел сам или оставили тебя? Спешил жить, и кто-то остается один, потому что тебе кажется, что ты «искал». А сам нередко не находишь того нужного, о чем мечтал. Потому что в жизни, к сожалению, нередко бывает иначе, чем в мечтах. Вот вам, к примеру, и сюжет песни, которую я, быть может, напишу. Спасибо за соавторство. Тема ее родилась в нашей беседе.

— Вы словно предвидели следующий вопрос: как возникают ваши песни?

— Сажусь к роялю только тогда, когда в душе рождаются звуки. Признаюсь, чаще всего это происходит спонтанно. Мелодию может иногда подсказать дождь за окном, прогулка по весеннему лесу или ритм поезда, в котором еду. Случается, что музыка будущей песни рождается целиком, а чаще всего

записываю какие-то фрагменты, делаю наброски. Потом уже отбираю, отсеиваю, занимаюсь, если можно так выразиться, селекцией. В нотном хаосе, который вы видите на этом рабочем столе сейчас, примерно около десяти песен. 5-6 из них близки к завершению и скоро, надеюсь, начнут свою эстрадную жизнь. Только вот, увы, времени, как всегда, не хватает. Но такую работу я люблю и, если позволите, в шутку скажу словами поэта

ИНТЕРЕСНЫЕ ВСТРЕЧИ

Алла ПУГАЧЕВА: ЭСТРАДА— ДОМ ДЛЯ ДРУЗЕЙ

Илья Резника: «...Я ненавижу праздную зевоту. Я от нее, как на костре, горю!»

Правда, не могу похвастать, что умею рационально использовать то свободное время, которое остается между поездками, концертами, записями, съемками и так далее. Наверное, у вас, мужчин, это получается лучше...

— Вы автор музыки многих популярных песен, таких, как «Звездное лето», «Поднимись над суетой», «Лестница», «Демурный ангел», «Старый дом»... Все они написаны на стихи поэта Ильи Резника. Ваше творческое содружество с ним можно назвать весьма успешным...

— Резник — поэт тонкий, хорошо чувствующий внутренний мир людей. В предисловии к его новому сборнику «Монологи певицы» я написала: «Это доверчивая исповедь эстрадной певицы поэту, а стало быть, и читателю. Примите эту исповедь так бережно, как принял ее Илья Резник и выразил в своих стихах и текстах песен. Хочется надеяться, что, прочитав эти строки, многие пересмотрят свои позиции по отношению к эстраде, отнюдь не «легкому» жанру, и монологи певицы превратятся в задушевный диалог со зрителем».

— Кстати, художественное оформление сборника выполнено по вашим эскизам. Это что, серьезное увлечение?

— Я люблю рисовать, люблю живопись. Но в моей квартире вы не найдете мольберта и красок. Об этом всерьез писать не стоит. На это, как и на другие мои привязанности, просто подчас не хватает времени.

— Ваши зарубежные гастроли пользуются большим успехом. После недавней поездки в ФРГ директор «Радио Кельн» в шутку даже сказал репортерам: «Русские привезли новый вид секретного оружия». А японская газета «Асахи», опубликовав данные специального опроса по «анкетам популярности», поставила ваше имя в список, озаглавленный «Те, чья слава не померкнет»...

— Мне самой интересно было бы узнать, по какому принципу проводился отбор. Дело в том, что в Японии я никогда не была. Знают меня там только по пластинкам. И восприняла это я просто как милую шутку.

— Западногерманская фирма «Динард» — «За выдающуюся, — как написано, — эстрадную деятельность, завоевавшую широкую международную популярность» — присудила вам «Золотой микрофон». Поздравляем вас.

— Спасибо, я приняла эту награду как признание советской эстрады за рубежом.

— Эстрада ваш второй дом. Что в нем, на ваш взгляд, требует улучшения?

— Прежде всего это дом для друзей. И поэтому я сделала бы его таким, каким они его хотят видеть. Эстрада в наши дни переживает

свое второе рождение. Но темпы ее становления во многом оставляют желать лучшего. Ни для кого не секрет, что обычно качество продукции зависит от оборудования, оснащения предприятия. На плохом станке не сделаешь хорошую деталь, каким бы ты хорошим мастером ни был. Так и в эстраде: в плохой микрофон хорошо не споешь. Я твердо убеждена, что не очень лестные раньше слова «микрофонная певица, певец» сегодня уже не произнесет человек, мало-мальски знающий музыку. Микрофон — это полноправный инструмент оркестра. Я имею в виду, конечно, и весь комплект электронной аппаратуры, играющий не последнюю роль в нашей работе. Ведь никого уже не удивляют батареи разнокалиберных динамиков, мигающие лампочками усилители, эквалайзеры и синтезаторы на сцене, звукорежиссерские пульта в зале. Естественно, что для всех хорошей аппаратуры не хватает, так как профессиональных ансамблей в стране тысячи, не говоря уже о самодельных. Это серьезная проблема, решение которой тормозит развитие жанра в целом.

Впрочем, не хватает не только аппаратуры. Мало хороших звукооператоров, от которых во многом зависит качество записей, нет художников по костюмам — мы практически одеваемся сами. Оформление сцены — проблема. Осветительная аппаратура, спецэффекты — проблема. Отсюда неизбежно страдает качество.

Эстрада должна создавать у людей хорошее настроение, формировать их художественный вкус, воспитывать молодежь. Так давайте думать не о коммерческом успехе, а о качестве творчества в первую очередь!

Ю. СУШКОВ.
Фото автора.